

4248936

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 годъ 2 р. 50 к.	на 3 мѣс. 65 к.
» 1/2 » 1 » 25 »	» 1 » 25 »

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ:

ПЕРЕДЪ ТЕКСТОМЪ 1 р. — к.
ПОЗАДИ ТЕКСТА — » 80 »

Адресъ Главной Конторы: Спб., Бассейная, 3—5. Тел. 524-62, Редакціи: Спб., Фонтанка, 80. Тел. № 514-27.

— Б Е Р У . . . Д А Ю ! !

Ориг. рис. съ натуры нашего художника Н. Н. Герардова.

На биржѣ.

Биржа на этихъ дняхъ переживала крайнее оживленіе. Много способствовали подъему и волненію послѣднія событія въ области внутренней политики...

Кромѣ того въ храмѣ Ваала ощущалось особенное безпокойство въ виду слуховъ о китайско-русской войнѣ, переговорахъ нашего посла въ Китаѣ съ китайскими дипломатами и т. д.

Газеты раскупались нарасхватъ, событія комментировались на всѣ лады...

Все кипитъ, шумитъ, волнуется...

Внѣшняя картина биржи, конечно, мало отличалась

отъ обычной: биржевикъ, пріѣхавшій въ тысячной бобровой шапкѣ, спѣшигъ немедленно бросить ее въ одну изъ картонокъ, которыми уставлена „курительная комната“ и замѣняетъ ее, легкимъ головнымъ уборомъ—цилиндромъ или котелкомъ.

На „биржѣ“ всѣ съ покрытой головой.

Вокругъ „кит. вѣ“ биржи, словно въ солнечной системѣ, вращаютъ я звѣзды второй и третьей степени.

Шумъ, гулъ, выкрики, для непосвященнаго непонятные:

— Городскія съ половиной!

— Беру! Даю! Плачу! Три восьмыхъ плачу!

— Даю!..

СОЛНЕЧНАЯ КАРОЛИНА.

Кто только теперь не посещает ароматного, залитого солнцем, искрящегося в морских брызгах, Капри,—теперь, когда тихий, спокойный остров «осчастливил» своим пребыванием Максим Горький.

Очень немногие уязвляют обратно, не полюбивавшись очаровательным видом из окон «дворца» Горького, не осмотрев подробно всех внутренностей его «виллы»... и—не посетив знаменитой танцовщицы Каролины.

Каждому М. Горький горячо советует сходить и посмотреть на эту танцовщицу.

Чтобы увидеть ее, нужно около часа взбираться вверх, на самое возвышенное место острова.

Горит солнце и море вокруг кажется бриллиантовым. Нестерпим блеск солнца, отраженного в зеркальной воде. Вот кафе «Тиберия».

Два раза в неделю собираются сюда жители Капри и иностранные туристы—посмотреть волшебную тарантеллу волшебницы Каролины.

Незабываемое впечатление остается у зрителя от красочного знойного танца артистки.

Никто во всей Италии не пляшет жгучей тарантеллы лучше Каролины.

Специальной музыки для танца нет, если не считать бубна в руках танцовщицы и кастаньет на пальцах ее и партнера.

Но и этого достаточно. Кажется, что все поет и играет: и звенящее солнце, и розовая даль, и розы, и очарованные зрители, и национальные красивые костюмы танцующих.

«Тиберия» стоит на головокружительной высоте. Смотришь на море, и оно кажется как будто под ногами.

Но брошенный камень не долетает до воды (Горький занимается этой невинной забавой целые часы).

Не хочется покидать волшебной панорамы райского уголка, где мелькает и стучит под ропот кастаньет легкая ножка королевы тарантеллы—Каролины, первым поклонником которой числится наш писатель-эмигрант...

КНИЖНАЯ И ГАЗЕТНАЯ ПОЛКА.

Вампука народной песни.

Кто принес в редакцию писемник «Разлука» Анат. Буракина, новгородского критика, до сих пор остается злобной тайной. Спрашивали чуть не всех,—отказываются.

А книжка лежит на столе и портит редакцию. Знаете, что такое массовый психоз? Что такое мания подражания народным песням.

Взять теперь Алексея... Исполнительный, тихий, непылющий,—вдруг является в комнату и самым разбойничьим мотивом докладывает:

—Эх да, Ани-Иванна!
Эх да наш патрон!
Да эх лась очень странно
Эх просит в телефон...

И Анна Ивановна подходит к телефону и в мгновение начинает на «острожный» лад:

—Да эх у телефона я,
Да эх алле... Отбой!!
Да я дивна скромная...
Эх, что делают со мной!!

Секретарь купил пива, мрачно зашел в угловую комнату и целый день гудит. Но уже не пародия, а прямо из Буракина:

—Небось со мной, блондиночка,
Какого мне рожна?
Блондиночка—хмельничка—
Законая жена...

Оказывается, что сочинять песни «под Ваньку Ключника» не такая уж хитрая механика.

Но злым Ан. Буракин смущает людей. Ему то все равно, а людям нужно служить и работать.

Разсерженный издатель сочинил эпиграф,—плохую, но верную:

Эх Буракин ко писанье
Про несчастных пить
Эх подходить в окончанье,
Предь могилой-да стоять.
Я надолго прокукукаю:
Слаб ты критик, плох поэт...
Эх вампукою—Разлукою
Ты зарезан в цвет лет!

В.

Самородок.

«Записки литературного Макара».—«Прокрустово ложе».—М. Сивачева.
«Я начал писать рассказы и решил сделать писателем. Но меня не поддержали, вы, будьте прокляты,—интеллигент, банкроты духа...»
«Идиоты! Говорил я сам себе: ты хочешь вступить на путь великодушия, на путь прощения: вот пожинай теперь плоды. Ты хотел перекинуть мостик через бездну—бездна раскинулась шире и глубже. Ты протянул руку примирения,—тебя не поняли, обожли, ты стоишь с протянутой рукой, оседьмованный, оплеванный...»

Это самородок писателя изобличает нашу интеллигенцию. Он хотел перекинуть мост между народом и интеллигенцией, но не перекинул, и написал «Прокрустово ложе».

Хитрая штука это—перекинуть мост. Вот обратился г. Сивачев к «батюшке-писателю» за помощью.

«Батюшка-писатель» давал самородку деньги, читал и исправлял его рукописи, давал свои карточки в редакцию при рукописях протеже, но... ухал за границу.

И г. Сивачев разражается:

—«Воспеваемой на бумаге отвлеченной талант самородок не являлся к нам в реальном виде, ибо наша житейская, повседневная мораль—это: осадил назад! Туда, в тьму невестства, в тиски нужды...»

Долго кормил самородка М. Горький, но и он разломал мостик через бездну.

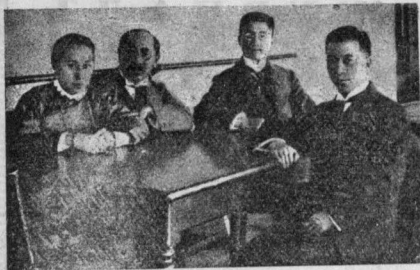
Спрашивает М. Горький Сивачева:

—А фуфайка теплая есть на вас?

—Есть.

А один раз даже и не повзбрыгнул.

КЪ СОБЫТИЯМЪ ВЪ КИТАѢ.

Китайская комиссія, командированная въ Европу для изученія постановки полицейскаго дѣла.

— Маруся, посмотри-ка, есть ли?

«Маруся» (жена Горькаго) отворачиваетъ обшлага верхней рубашки и убѣждается:

— Есть. Не обманываютъ.

Самородокъ убивается:

«Фуфайками подкупили, ну и опростоволохился на то, на что совсѣмъ не слѣдуетъ. Раскрылись глаза мои на всѣ тѣ темные страхи, когда меня заласкали фуфайками...»

Такимъ-то вотъ манеромъ перекидывалъ Самородокъ мостъ надъ бездной...

А можетъ быть, бездну надъ мостомъ — бездну пошлости, наглости и претензіи...

Языкотворчество С. Городецкаго.

Языкъ поэтессы С. Дубновой не нравится С. Городецкому:

«Этотъ языкъ, не особенно у С. Дубновой правильный, иногда искажающій ударенія, иногда кривотворящій (впрочемъ, въ предѣлахъ бытующихъ теперь типовъ языкотворчества,) заслоняетъ единственно важное — ту душу, о которой, можетъ быть, призванъ разсказать авторъ.»

Оба — какъ выражаются у Чехова — «образованность свою хочутъ показать и все говорить объ непонятномъ...» Но языкъ С. Городецкаго выходитъ, кажется, даже за предѣлы «бытующихъ теперь типовъ...»

Рыдающій граммофонъ изъ фельетона Н. Ш. въ «Обозрѣніи театровъ».

«Пусть рыдаютъ бархатными рыданьями его порванные смертью струны.»

«Пусть рыдаютъ и тоскуютъ, и жалуются, и зовутъ...»

«А самъ рыдаетъ.»

«Слушайте, слушайте эту рыдающую радость.»

«И рыдаетъ органъ.»

«И на фонѣ бархатныхъ педальей рыдаетъ ясное, ясное горестное контральто.»

Это виолончель Вержбиловича рыдаетъ.»

«Рыдаетъ виолончель...»

«Ахъ, нѣтъ, это рыдаетъ граммофонъ...»

Граммoфонъ!.. ну то то! а мы думали въ самомъ дѣлѣ..

Литературный «баптизмъ».

Въ доброе старое время, когда добрый романистъ на протяженіи тысячи страницъ ни на минуту не упускалъ изъ виду своего героя, — герои и героини вели себя очень порядочно и никогда не называли себя непринужденными имъ именами.

Теперь начать встрѣчаться герой «Иванъ, Непомнящій родства».

На одной страницѣ онъ Семень, на десятой Гаврилъ, а на сотой вдругъ превращается въ самую настоящую Марью.

Въ послѣднемъ альманахѣ «Шиповника» у графа Алексѣя Толстого на стр. 19 изображенъ Илья Рѣпьевъ, а на стр. 82 этотъ Илья оказывается Петромъ, и его дочь Софья Петровна (83 стр.)

Самому-то Ильѣ ничего, а дочери неловко... Нехорошо!..

У Сологуба въ «Мелкомъ Бѣсѣ» (5 изд.) одного человѣка зовутъ Иванъ Степановичъ (129 стр.). На стр. 133 собственная жена Ивана Степановича въ здоровомъ умѣ и твердой памяти зоветъ его: — Степанъ Ивановичъ, на минутку!..

У Горькаго въ «Жизни ненужнаго человѣка» печникъ Ключниковъ, какъ свидѣтельствовалъ К. Чуковский, «возненави-

дѣлъ» свою фамилію и вдругъ сталъ называться Ключаревымъ..

Что-же?.. Позвольте въ альбомѣ выпензаваннымъ авторамъ занести слѣдующіе строки:

Пишешь и эдакъ и такъ...

Стала Вавилою—Роза.

Имя—неважный пустякъ:

Nomina sunt odiosa!..

ЗА РУБЕЖОМЪ.

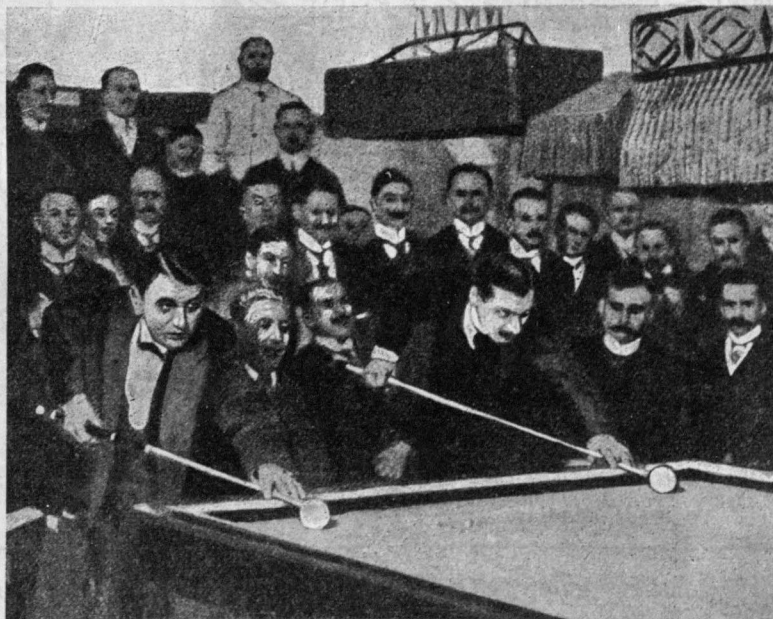
Синдикатъ оккультизма.

Такъ на бѣается вновь организовавшееся въ Парижѣ общество любителей оккультныхъ наукъ, которое имѣетъ своими членами многихъ выдающихся ученыхъ, художниковъ, писателей и артистовъ.

«Синдикалисты» намѣрены подъ своимъ флагомъ соединить оккультистовъ всего міра. На первомъ засѣданіи всѣ ораторы сошлись на мнѣніи, что XX вѣкъ въ исторіи будетъ слыть подъ названіемъ «вѣкъ воздухоплавания и оккультизма». Оккультизмъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе и симпатіи самыхъ разнородныхъ классовъ и сословій.

Филіальныя отдѣленія въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ открыты во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

ГРАНДИОЗНЫЙ БИЛЛЯРДНЫЙ МАТЧЪ.

Грандиозный матчъ въ 6000 очковъ, въ берлинскомъ кафе знаменитаго Гуго Керкоу привлекаетъ ежедневно сотни заинтересованныхъ зрителей. Дошло до того, что на мѣста приходится записываться за нѣсколько дней.

Гуго Керкоу въ Берлинѣ популяренъ, пожалуй, не менѣе Вильгельма II. Гуго Керкоу — непобѣдимый бильярдистъ, имя котораго съ гордостью произносится каждымъ берлинцемъ. Но Гуго уже старъ, — и никогда несклонявшееся знамя свое хочетъ передать въ надежныя, молодые и сильныя руки брата, Эгона Керкоу.

Сейчасъ матчъ происходитъ между Эгономъ Керкоу и знаменитымъ австрійскимъ бильярдистомъ „маэстро“ Бруно.

Первые дни состязанія безусловно доказали, что Эгонъ Керкоу поддержитъ „бильярдную“ славу своего рода.